

Алексей ФИЛИППОВ
НАДО
ЧТО-ТО
ДЕЛАТЬ

@ЭЛИТА

Алексей Филиппов

Надо что-то делать (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8883415

Аннотация

В сборник включены фантастические повести и рассказы о будущем человечества. Антиутопия, в которой изображены многочисленные проблемы будущего нашей планеты. Это попытки спасения современной человеческой цивилизации, её мрачные последние дни и зарождение цивилизации новой (повесть «Опоздавшие»). Также сложные вопросы и переживания в поисках человеком новых мотиваций в условиях перепроизводства материальных ценностей («Надо что-то делать», «Тревога», «Ты лучше всех») и как люди будут пытаться решать проблемы перенаселения планеты при увеличении во много раз продолжительности человеческой жизни «Ниже нижнего уровня»...

Содержание

Опоздавшие	5
1	5
2	7
3	9
4	11
5	14
6	17
7	20
8	23
9	25
10	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Алексей Филиппов

Надо что-то делать

© ЭИ «@элита» 2014

Опоздавшие

1

Он тревожно встрепенулся, мгновенно стряхнул с себя плотную пелену сонного небытия, и тут же, проворно вскочив на ноги, стал пугливо озираться. Вообще-то пугаться здесь было некого, да и нечего. Разве тёмно-серых барханов из хорошо перемешанной смеси серой золы с песком. Эти барханы виднелись повсюду, и, казалось, их засилью нет конца. И начала тоже нет. Ни начала, ни конца. Они везде. И впереди, и сзади. А сверху тёмно-лиловое солнце. Холодное солнце. Тёплый песок и холодное солнце.

Человек вскинул лицо вверх, крепко тряхнул головой и пошёл. Пошёл куда-то вперёд.

Унылый однообразный тёмно-серый пейзаж, лишь кое-где с редкими чёрными пятнами, которые незамысловатыми узорами никак не могли порадовать взора путника. А впрочем, для чего ему радость? Он ведь не знал, что это такое. Он ничего не знал. Хотя, нет, неправда – он знал многое! Он знал, что в небе над ним солнце. Он знал, что солнце лилово и холодно. Он знал, что ноги его увязают в тёмно-сером песке, и то, что он обязательно должен идти. Куда идти? Вот этого он не знал. Он даже не знал, что означает слово «куда». Вот таким странным был этот медленно бредущий среди серого безмолвия человек. Внезапно в животе его заурчало, и он почувствовал, что голоден. Это мысль здорово обрадовала его.

«Я знаю, что такое «голоден», – подумал он, с трудом передвигая вязнущие в рыхлом песке ноги. – А ещё я умею радоваться!»

И он радовался тому, что умеет это делать. Странное было чувство: не знать что такое радость, но искренне радоваться. Что такое «радость», бредущий под лиловым солнцем человек точно не знал. Догадывался, что должно быть чем-то хорошим, но не знал в точности, что такое. А вот что такое «хорошо», знал хорошо. Хорошо – когда хотя бы что-то знаешь. Споткнувшись о торчащий из бархана кусок ржавой арматуры, он познал, что такое боль. А вот что такое ржавая арматура, знал и до этого! Странно устроен человек! Ковыляющий по пустыне человек знал, что он «человек». Понятия «человек» и «ржавая арматура» ему, конечно, ясны, и не просто ясны, а ясны до звенящей прозрачности. Всё, что попадало в эту прозрачность, было ясно, а дальше – кипящий туман. И из этого тумана иногда что-то вылетало в тесное прозрачное пространство. Вылетало и становилось там ясным. Таким ясным, что у человека получалось улыбаться.

– Я человек, – не разлепляя ссохшиеся губы, молвил путник. Промолвил и улыбнулся.

Да, он человек! Он прекрасно знал, что такое «быть человеком», а вот для чего надо «быть человеком» – не знал. И это очень страшно, когда не знаешь, для чего тебе надо быть тобой. А ещё он не знал, куда идти.

«Если бы люди знали, для чего им суждено быть людьми и куда идти, они бы ничего не боялись, – подумал внезапно путник и встал, как вкопанный, удивившись явившейся вдруг столь странной мысли. – Они же не знают и боятся. В первую очередь боятся себя. Значит они – трусы? И я трус, если не знаю, для чего мне здесь суждено быть».

– Я трус, я трус, – шипел человек, с превеликим трудом переставляя ноги. – Трус.

Он шипел до тех пор, пока не понял, что он и истинного значения слова «трус» не знает. Ему казалось, что «трус» – тот, который не знает, куда идти. А это вряд ли так? Вряд ли. Что-то в этом понятии скрыто и другое. Но что?

Человек остановился, чтобы перевести дух и собраться с мыслями. С мыслями, которые никак не хотели его слушаться. И ему стало обидно и грустно из-за их глупого непослушания. Грустно и обидно.

И тут путник понял, что он среди барханов не один. Точнее, сначала понял, что такое «не один», а потом прошептал тихо:

– Я здесь не один.

Над самым высоким барханом размеренно колыхалась бледно-голубая туманность. И на этой туманности то там, то тут часто вспыхивали зеленоватые искорки. Так казалось издалека. Но когда туманность приблизилась, а приближалась она весьма резво, то человек понял, что по поводу искорок он ошибался. Это не искорки вертелись стремительно, а странные гибкие буравчики. Именно буравчики, потому что никакого другого названия в ясной полосе сознания путника не объявилось.

– Буравчики, – прохрипел он, утирая тыльной стороной ладони пот. – Шустрые буравчики.

Буравчики оказались на редкость шустры. Они, стремительно вращаясь, далеко вылетали из туманности, жадно хватали пустоту и тащили в бледную голубизну тумана. Нет, я не оговорился, они хватали именно пустоту. И самое интересное даже не то, что они хватали пустоту. Нет, самое интересное, что на месте схваченной пустоты что-то оставалось. Только уже не пустота, а...

– Прах пустоты, – еле слышно выдавил из себя человек странную несуразицу, неведомо как посетившую просветлённую часть его разума.

Путнику вдруг захотелось потрогать прах рукой, благо один из вёртких буравчиков крутился в полуметре от него. Вот он – рядышком. Со стороны буравчика повеяло сладковатой прохладой, которая вязким комом и без спроса вползала путнику в горло. В горле сладкой прохладой понравилось, и она стала стремительно расти, мешая дышать полной грудью. Человек, хотя и дышал с трудом, но любопытства своего не утратил. Даже наоборот. Ему вдруг захотелось потрогать и таинственный буравчик. Прах это прах, а вот буравчик....

Путник протянул к нему руку, и словно миллионы микроскопических шипов вонзились в крайние фаланги среднего и указательного пальца. Человек взвыл и с ужасом почувствовал, что земля исчезает из-под ног.

2

Земля не просто исчезала, а стремительно тащила его в тёмную холодную и жёсткую бездну. То, что бездна твёрдая, жёсткая да к тому же противно скользкая, человек понял через боль. Что такое боль, он знал. Он ударился лицом раз, второй, третий! Потом боль пронзила плечо! Потом колено! Опять лоб! Боль. Боль. Боль. И вдруг не просто боль, а боль зверская: в спине, в затылке, а потом во всём теле. Боль до умопомрачения! Боль до крутящейся тьмы в глазах!

Как только озверевшая боль немного отпустила тело, человек понял, что лежит на дне бездны. Почему на дне? Он больше никуда не летел. А если ты никуда не летишь, то это всегда дно. Даже бездна имеет дно. Эту истину человек тоже знал.

Он попробовал сесть. Получилось, хотя в глазах беспокойно замелькали разноцветные круги. Круги долго не хотели успокаиваться и проворно мельтешили в неимоверно диком танце. Человек потрянул головой, и вновь чуть не взвыл от боли. Боль пронзила шею до судороги. Однако нет худа без добра. Злая боль прогнала от глаз пляшущие круги, и человек увидел перед собой женщину. Она сидела метрах в полутора и сжимала в руке переносную лампу электрического освещения. Такие лампы когда-то были обыденным делом, а теперь стали в диковинку. Но эта диковинка – сушая чепуха перед грандиозным открытием. Он вдруг осознал, что мир состоит из мужчин и женщин. Он мужчина, а она, сидящая подле него – женщина. Единственное, что он не мог понять, так разницы, которая отличает её от него. Он видел её, но не видел себя. Он был для себя тайной.

«А вдруг я точно такой же? – подумал он и улыбнулся. – И в чём тогда разница?»

– Чего лыбишься? – неожиданно громко нарушила молчание женщина.

Он ещё раз улыбнулся, хотел ей сказать что-нибудь хорошее, но молвить слово не получилось. Он не знал, в данный момент, как это делается. Такое с ним случилось наваждение. А может быть, мужчина отличается от женщины тем, что она может говорить, а он нет? Хотя, нет. Он же говорил сам с собой, когда шёл среди барханов. Говорил. Сам с собой говорил. Вот она, разгадка! Женщина может говорить для других, а мужчина – только для себя. Вот оно – главное отличие мужчины от женщины!

– Ты кто? – женщина поднесла лампу к его лицу.

Теперь он даже не пытался ответить. Он же мужчина. Ей всё равно его не понять. А она продолжала настаивать, и даже стала трясти его за плечо.

– Немой, что ли? – протяжно вздохнула женщина, когда поняла, что человеческого голоса ей не суждено услышать. – Вот невезуха! Вроде стоящий мужик, а на деле – пень с глазами. Что же мне с мужиками в последнее время не везёт? Вот он, вроде всё при нём, а на деле дебил безмозглый. Мрак! Полный мрак. А хотя чего я удивляюсь? То, что у этого придурка не все дома, можно было понять потому, как он тянул руку к нугляшкам. Да если б не сдёрнула я его в тоннель, от него бы и пыли не осталось. Дебил. Одно слово – дебил. Ох, невезуха! А впрочем...

Она посмотрела на него с жалостливой укоризной, а потом что-то вынула из мешка, стоявшего у ног, и протянула ему.

– На, поешь, – подмигнула она, не оправдавшему её надежд, мужчине, и сунула странные предметы ему в руки. – Тебе надо быть сильным. Ты должен помочь мне.

Есть он умел, и концентрированный продукт исчез мигом. Он был так голоден, что не успел разобрать вкуса еды. Да и не нужно ему разбирать вкус. Зачем разбирать то, о чём не имеешь ни малейшего представления. Он не знал, что такое «вкус». Что такое «голоден» знал, а что такое «вкус» – нет. Впрочем, если он вспомнил о вкусе, то значит, он знал о

нём что-то. Знал. Когда-то. Но какое ему дело до того, что он когда-то знал. Ведь в данное мгновение для него не существует «когда-то», а есть только «сейчас».

Ему хотелось ещё есть, но просить еды у женщины он почему-то посчитал зазорным. Лучше посидеть и отдохнуть, чем унижаться перед ней. Он же – мужчина.

– Эй, эй! – опять закричала женщина. – Ты чего расселся?! Не для того я тебя кормила, чтобы ты посиделки устраивал. Пошли!

Она властным жестом приказала ему взвалить на плечи тяжёлый мешок и пошагала вперёд, освещая дорогу электрической лампой. По её повадкам было видно, что она знает, куда идти.

«Она не трус, – подумал он, морщась от боли в правом колене. – Может, ещё и этим она отличается от меня».

Они шли долго. Кругом тьма и мерзость. Устойчивый тяжёлый запах протухшей органики, пропитав всё вокруг, подло терзал организм человека лёгкой тошнотой. Под ногами путников противно хлюпала грязь, на серо-зелёных стенах тоннеля мерцающий луч электрической лампы то и дело выхватывал множество чёрных с просинью потёков, а сверху, из кромешной тьмы, часто падали сгустки противной слизи. Падали, звучно шлёпаясь в грязь. Один раз мужчина остановился, чтобы поправить тяжёлый мешок на плече, и прилетевший из тьмы сгусток упал ему на лицо. Он попытался судорожным движением руки стряхнуть склизкую гадость, но та увернулась, скользнула по шее и проникла под рубаху. Мужчина запаниковал. Он затоптался на месте и хотел бросить мешок, чтобы освободить тело от скользкой мерзости, однако женщина, заметив его порыв, строго погрозила кулаком. Пришлось терпеть. Терпеть и идти.

3

Наконец она разрешила остановиться. Вернее, не разрешила, а остановилась сама. Остановилась потому, что дальше некуда было идти. Тоннель упёрся в тупик.

– Ну, вот и пришли, – вновь громко и повелительно сказала женщина, указывая лучом лампы на нишу в стене, куда можно положить мешок. – Положи туда.

Лишь освободившись от ноши, он тут же стал срывать с себя верхнюю одежду, а потом нательную рубаху. Слизь таилась на животе, пытаясь просочиться под пояс брюк. Пока он думал, чем бы скинуть скользкую гадость (голой рукой касаться её не хотелось), женщина быстро подошла к нему, и бумажной салфеткой, неведомо откуда появившейся в её руке, скинула мерзость себе под ноги. Женщина думала много быстрее, чем он. Значит, женщина смелее мужчины. Смелее и сильнее. Она не трус.

На том месте, где была слизь, осталось бурое пятно. Пятно противно зудело. Мужчине хотелось внимательно рассмотреть зудящее место, но беспокойная спутница стала торопить его визгливым голосом.

– Чего разнюнился? – верещала она. – Ишь, ожога никогда не видал. Эка невидаль. Некогда нам. Одевайся и бери кувалду.

И теперь луч лампы скользнул в другую нишу, где лежала ржавая кувалда на длинной пластиковой ручке.

Куда бить, женщина указала тем же лучом электрической лампы. Мужчина размахнулся и ударил. Удар получился глухой и с множеством брызг. Большая часть брызг попала мужчине в лицо. Он тут же опустил кувалду в грязь и торопливо утёрся рукавом. Лицо пылало. Так казалось ему, а ей ничего не казалось. Она опять орала и командовала, широко раскрывая алый рот. Цвет женского рта мужчина разглядел и осознал в свете электрической лампы, которую спутница держала возле своего лица. Рот её был не только ал, но и страшен. До того страшен, что мужчина мигом забыл про своё пылающее лицо, схватил кувалду и стал торопливо бить по стене. На брызги он не обращал внимания. Он бил, бил и бил. Сердце колотилось в груди пойманной в силос птицей (такое сравнение ни с того ни с сего выплыло вдруг в прозрачную прорубь сознания мужчины), а он продолжал колотить неподатливую стенку. И колотил, не понимая, для чего ему это нужно. Мужчина сражался со стенкой, подчиняясь воле женщины. Лишь она могла остановить это сражение. Она и ничто более.

Женщина остановила его, когда перед ним вместо стены зазял чёрный провал.

– Молодец, – сказала она, ласково потрепав его по плечу. – Ловко у тебя получилось. Я дня три старалась разбить стенку и всё без толку. А ты, вон, за десять минут справился. Молодец! Теперь я смогу перейти в следующий уровень. Слушай, а мы ведь с тобой до сих пор не познакомились! Я Ия, а ты кто? Хотя, что я, дура, спрашиваю тебя? Ты же немой! Давай, я тебя буду звать, э... Гоблином! Вот. Ты большой, сильный и глупый. Ты – настоящий Гоблин! Ты согласен? Ха-ха-ха!

«Го-блин, Го-блин, – подумал он, разглядывая её смеющееся лицо. – Красиво. Го-блин. Хорошее имя. Что-то очень знакомое в нём. Знакомое до лёгкой боли в душе. Весьма знакомое».

А потом они долго шли по другому тоннелю. Этот тоннель был много теснее прежнего, а потому и пахло здесь хуже, и грязь чавкала звучнее, голова то и дело ненароком попадала в желеобразную гадость. Но скоро он на гадость перестал обращать внимание, так же, как не обращал внимания на нудный зуд по всему лицу. Гоблин шёл за Ией шаг в шаг. Он не смотрел ни под ноги, ни по сторонам, а только на её живые острые лопатки, едва различимые под тканью повидавшего виды комбинезона. Сегодня эти лопатки были его путеводной звездой.

И, следуя за этой звездой, он забыл про всё: про голод, про усталость и про боль. И ему вдруг показалось, что он тоже знает, куда надо идти.

– Надо идти за нею, – прошептал он очередное открытие. – Вот куда мне надо идти. И я уже не трус.

Ия остановилась внезапно. Именно так показалось бредущему за нею Гоблину. Шла, шла и вдруг.... Но это ему показалось. Женщина прекрасно знала, что остановиться надо именно здесь. Здесь было сухо и даже свежо. Удивительно хорошее место. Удивительно.

– Ешь, – Ия сунула ему в руку банку с концентратом. – Ешь и спать.

Он с радостью исполнил оба указания и через пять минут спал, прижав колени к груди, на жёстком камне. Спал и не видел, как женщина подошла к нему, встала на колени, осторожно утёрла салфеткой ту часть лица, которую могла утереть, нежно поцеловала его в щёку и потихоньку заплакала. Гоблин не пошелохнулся.

4

Ему снился сон. На редкость беспорядочный. Нескладный. Сплошная мешанина. И никакого намёка на единую линию. Ни малейшего. Вот огромный светлый зал и люди в белых халатах. Голубое небо. Золотое солнце. Не лиловое, а именно золотое. Слепящее золото в голубом обрамлении. Жирный чернозём. Цветущая яблоня. Да, во сне он знал всё. Во сне не было загадок и туманной мути в сознании. Он даже знал, как его зовут по-настоящему. У него было настоящее имя. Он же человек! Он может любоваться нежно-розовым цветом яблони. А сразу за яблоней стартовали межпланетные космические корабли. Очередь на посадку. Люди поднимались по трапу и... проваливались в ядовито-зелёную болотную трясику. Истошный крик ребёнка. Строгий взор седого мужчины. Опять крик. На этот раз женский. Он же спокойно летал над ними и кого-то искал. Во сне у него были крылья. И вот уже он, вроде бы, и не он вовсе. Вместо него по небу порхает белый голубь. Внезапно два чёрных коршуна вынырнули из-за золотого солнца.

– Вставай! – скрежетали они по-разбойничьи изогнутыми клювами. – Вставай же!

– Да, проснись ты, наконец, – раздражённо трясла его за плечо Ия. – Проснись. Нам надо наверх! Скорее, а то стемнеет. Может, там есть люди?

Гоблин вздрогнул всем телом и проснулся. Сон мигом улетучился из ясной прозрачности в серую муть. И только два страшных чёрных коршуна не успели спрятаться в туманное небытие. Ему казалось, что они где-то рядом. Из всего сна Гоблин запомнил только этих страшных птиц. И ничего более. Запомнить-то запомнил, да вот только думать было недосуг. Ия лезла вверх по рыжим от ржавчины скобам-ступеням. Лезла быстро. Гоблину не хотелось от неё отставать. Мужчина непременно должен видеть спину женщины. И он, торопливо перебирая руками, полез. Однако догнать её в пути не получилось. Было очень узко. Когда Гоблин вылез из вертикального тоннеля, Ия пыталась открыть массивную дверь, покрытую толстым слоем серой пыли. Дверь не поддавалась. И только когда на помощь подоспел мужчина, непокорная дверь потихоньку застонала и чуть приоткрылась. Дальше этого «чуть» она не хотела двигаться. Все людские потуги перед заржавевшей сталью были напрасны. Сталь будто смеялась над людьми. Чуть-чуть подарила надежду и встала намертво.

Ия ругалась, топала ногой, кричала на Гоблина. Гоблин старался изо всех сил, но дверь оставалась непреклонной. И лишь толстый металлический штырь, найденный Ией в тёмном углу, позволил приоткрыть дверь ещё на малость. На ту самую малость, которой хватило, чтобы женщина, хотя и с большим трудом, но смогла протиснуться к серо-лиловому свету.

– Сейчас, – закричала она, оказавшись по ту сторону двери, – я отгребу песок, и дверь откроется. Сейчас!

Женщина опять оказалась права. Дверь открылась. Еле-еле, со скрипом, но открылась. Гоблин тоже смог выйти на свет.

Большое лиловое солнце почти наполовину провалилось за верхушкой дальнего бархана. Свет умирал. Становилось всё сумрачней и сумрачней. Сумрачней и тревожней. Так тревожней, что Гоблин непроизвольно попятился к двери. Попятиться, попятился, да не тут-то было. Ия грозно сверкнула в его сторону очами, и, строго поведя бровями, повелела следовать за собой к полужасыпанному песком развалинам. Развалины были недалеко. Метрах в десяти от двери. Не дальше.

Дошли они до развалин быстро. Дольше пробирались среди них, чтобы найти что-то интересное. И нашли. Они нашли седого оборванного старика, стоявшего на коленях меж двух огромных глыб и что-то бормотавшего под нос. По песчаным наносам вокруг колен старца было видно, что стоит он так давно. Ия с Гоблином подошли к старику поближе. Настолько, что Гоблин смог разглядеть гнойные язвы, в изобилии теснившиеся среди драных

лохмотьев пепельно-сивых волос. Старик тоже заметил их. Заметил и повёл себя странно. Он был ни капельки не похож на Ию, но говорил громко. Гоблин даже на миг засомневался о правильности выводов насчёт главного отличия мужчины от женщины. Засомневался и прислушался к судорожной речи старца.

– Покайтесь, люди! – во всю глотку надрывался старик, сотрясая седыми лохмами и вздымая жилистые кулаки к тёмно-серому небу. – Ибо приблизилось Царство Небесное! Вот он, час Суда! Обо мне сказал пророк, что я глас вопиющего в пустыне. Я – глас! Покайтесь, люди! Приготовьтесь к встрече Господа! Прямыми сделайте стези его! Уже секира лежит у корня дерева, и всякое дерево, не приносящее плода доброго, срублено будет и брошено в огонь! Покайтесь! Я крещу вас в воде и покаянии...

Тут старец немного замешкался и вынул из расщелины между камнями мятый бидон жёлто-зелёного цвета. Он сунул в бидон руку, а потом, проворно выдернув её, брызнул что-то в сторону Ии и Гоблина. И приятная прохлада пала на воспалённую кожу измученного мужчины. Он закрыл глаза от блаженного удовольствия, но тут же почувствовал резкий толчок в спину. Ия выскочила из-за спины своего спутника дикой кошкой, выхватила из рук старика бидон и помчала прочь из развалин. Старик вдруг проворно, очень проворно для своего внешнего вида, сорвался с места и торопливо похромал за беглянкой. Гоблин поспешил за старцем.

Старик догнал Ию возле двери, он ударом кулака в затылок сбил женщину с ног и стал вырывать из рук бидон. Ия яростно сопротивлялась и не хотела расстаться со своей ношей. Старик настаивал, рвал грязными ногтями волосы женщине, а та отчаянно отбивалась от дерзких нападков и орала срывающимся голосом, обращаясь к Гоблину:

– Бей его! Чего стоишь пнём?! Бей!

Гоблин старика бить не стал, а, ухватив за костлявые плечи, легко отбросил прочь от спутницы. Освобождённая Ия прошмыгнула за дверь. Теперь злой старец, подобравший с земли увесистую корягу, с криком «Сатана!» ринулся на Гоблина. Гоблин отпрянул назад, и, запнувшись ногой о какой-то камень, рухнул на спину, больно ударившись головой о приоткрытую дверь. Однако времени страдать от боли не было: если бы он хоть на мгновение предался страданию, то пущенная стариком в ход коряга точно бы размозжила спутнику Ии череп. На малость увернулся Гоблин от обгорелой коряги. Совсем увернуться не получилось. Коряга врезалась в левое плечо оступившегося бойца. Боль от удара была адской! И именно от боли проснулась в Гоблине неистовая ярость, породившая молодецкую силу. Вскочил битый дубиной молодец на ноги, презрев жгучую боль в плече, схватил разъярёвшегося старика за кожаный пояс, поднял ловко над собой и швырнул на гребень ближайшего бархана. Бархан был не высокий, и, наверное, потому получилось у мужчины швырнуть соперника точно на гребень. Именно так. А что было дальше со стариком, Гоблин никогда и не узнал. Ия схватила спасителя за рукав и втащила в приоткрытый дверной проём. Закрылась дверь легко. И запор у двери был надёжный. Но, несмотря на это, победившие злого седого старца торопливо покинули площадку перед дверью.

Отдышались они, уже спустившись к месту предыдущего отдыха. Они сели на каменный пол, потом женщина прибавила яркость фонаря и стала осторожно выливать из бидона в кружку сверкающую при электрическом свете жидкость.

– Это же вода! – шептала она, словно заклинание, не сводя глаз с тоненькой струйки. – Настоящая питьевая вода! Очищенная вода, которую можно пить без опаски. Это не искусственный утолитель жажды. Это вода! Это величайшая драгоценность, а этот придурок вздумал брызгать ею на песок. Это же вода!

Ия налила половину кружки, сделала несколько торопливых глотков и передала кружку Гоблину. Гоблин выпил её залпом и вдруг почувствовал, что внутри у него случилась такая приятность. Наряду с понятием «приятности» из тумана выплыло смутное воспоми-

нение о каком-то светлом дне. Гоблину бы немножко поднапрячься, поднатужиться, и он бы непременно вспомнил весь тот светлый день, но Ия поднатужиться не дала. Она, строго прикрикнув на прикрывшего глаза мужчину, велела подниматься и следовать за ней. Они снова пошли среди чавкающей грязи подземелий.

5

Они опять шагали по сырым мрачным тоннелям. Тоннели были, все как один грязные, но разные: то высокие, то низкие, то узкие, то широкие. Только разности бредущие люди почти не замечали. Так, иногда, если вдруг нагнуться приходилось ниже, чем обычно. На поверхность путники больше не поднимались. Временами Ия находила места посуше, и они там спали. И в тех местах Гоблину опять снились нескладные сны, которые он никак не мог вспомнить, проснувшись. И после восьми или девяти ночёвок, к воспоминаниям о двух чёрных коршунах добавилось только их гнездо, которое злые птицы сплели в кроне цветущей яблони.

Гоблин, засыпая, каждый раз давал себе слово непременно запомнить сон, но ни разу обещания не исполнил. И чем больше было обещаний, тем суровее был очередной наказ мужчины перед сном. Самому себе наказ. Мужчине, который многое познал в окружающем мире.

Вот и сегодня, сказал сам себе Гоблин строго:

– Если я опять не запомню сна, то завтра целый день не буду чесать заживающую на животе рану от ожога.

Это было суровым наказанием. Рана на теле мужчины потихоньку заживала, а потому постоянно чесалась. И осторожно почесать её было приятно. А что может быть хуже для человека, чем от приятного удовольствия отказаться? Эту истину Гоблин тоже познал, и не хотел лишиться себя на целый день удовольствия.

– Я сегодня непременно должен запомнить сон, – сказал он сам себе, засыпая на жёстком ложе.

Желание усталого путника было настолько велико, что он действительно стал запоминать сон. Вот цветущий летний луг. Чуть дальше журчит прохладный ручей, над которым бесшумно парят голубые стрекозы. Под стрекозами расправили белоснежные стебли огромные лилии, а под водой, у стеблей лилий, носятся юркие стайки серебристых рыб. Потом лилии вдруг обращаются в прекрасные розы, а рыбки – в разноцветных бабочек, и всё это под сенью цветущей яблони. Как она хороша! Но что это? Она хороша только снизу, а сверху.... Он смотрит вверх и видит серый пепел, а из пепла пронзительный крик:

– А-а-а!!! Помоги!!!

Гоблин хочет объяснить яблоне, что он не может ей сейчас помочь. Сейчас он должен запомнить сон, а вот завтра.... Но яблоня не желает его понять, и кричит ещё громче:

– Помоги!!! Да проснись же ты! Гоблин!!!

Гоблин решил рассказать яблоне о своей клятве, чтоб она поняла его, и не просила о помощи, но тут что-то больно ударило его по голове.

Бедолага проснулся и тотчас же забыл сон. Только расстроиться по этому поводу ему не пришлось. Не до того было. Он приоткрыл глаза и сразу понял, что с Ией беда!

– Помоги!!! – истошно орала она, отбиваясь от злодея. – Гоблин!!! Помоги!!!

Гоблин рванул на помощь. Рядом злодей. Рукой подать. Три шага всего. Да только бывают в жизни случаи, когда и три шага – непреодолимое расстояние. Понял это спаситель, когда страшный удар обрушился на его темя. Гоблин упал на колени, а потом лицом на холодный шершавый камень.

И было только полбеды, что упал он лицом о камень. Даже и не половина беды, а может третья или четвёртая часть. Или, вообще, лицом о камень – не беда! Беда, когда подлый разбойник рвёт одежду на спутнице твоей, а ты не можешь ей помочь. Кто-то ухватил тебя за шею и душит, душит. Вот это беда! Дышать нечем, в глазах тьма, а тот, кто сзади, никак успокоиться не может. А она кричит:

– Помоги!!! Ну, что же ты?!!!

Гоблин собрал все силы. Все, что были, и те, что могли быть. Ему бы немного от душащего захвата освободиться. Чуть-чуть. Немножечко. Но не хватило у Гоблина сил, и он понял, что придётся покориться. Покориться сильному и поступить согласно воле его.

– Таков закон жизни, – вылезла из взбудораженной мути сознания спасительная мысль. – Слабый покоряется сильному. И я ничем не могу тебе помочь, Ия!!! Я не виноват!!! Таков закон жизни! Жаль!

И вдруг... Именно вдруг, а иначе. Страшнейший грохот сверху. Огонь, грохот и дым!

Жестокая хватка на шее Гоблина ослабла. Он смог дышать. И пусть горло разрывалось от жгучей крутящей боли, но он смог дышать. А если смог дышать, то непременно спасёт Ию! Он спасёт её!

Однако спасти никого не пришлось. Когда он, хрипя и кашляя надрывно, прополз злополучные полтора шага, женщине его помощь уже не требовалась. Ей помогли другие.

На тесной площадке в тусклом свете мерцающего фонаря толпились люди. Их было не меньше десяти, не считая тех, кто неподвижно лежал на камнях. Лежащих тщательно обыскивали победители.

– Повезло вам, – осторожно помогая под локоток Ие встать, сказал скуластый лысоватый мужчина с густыми бровями и с глазами слегка навывкате. – Мы из разведки возвращались, слышим – шум. Подбежали, а тут на вас безумцы напали. Они здесь живут. Недалеко. На нижнем уровне. На редкость жестокие создания. Жестокие и на женщин падкие. Как впрочем, и все безумные люди. Они были пациентами психиатрической клиники, а во время эвакуации про них забыли. Вы представляете себе? Забыть про больных. Эти больные хотят жить вечно. Здесь хотят жить. Про них забыли, а они хотят. Бедные люди. И как они сообразили в подземелье спуститься? Не знаю. Придурки – все как один, а догадались. Чудеса. Мы с ними не один месяц воюем. Да что мы здесь стоим? Пойдёмте скорее к нам, а то, неровен час, сюда всей шайкой нагрянут. Их много в подземелье скрывается. Не меньше сотни. Точно – не меньше. Пойдёмте.

И они пошли. Впереди, осторожно оглядываясь по сторонам, шли два человека с оружием в руках. Замыкали колонну ещё двое, тоже с оружием. То, что это оружие, спасённых просветил лысый говорун.

– Старинное огнестрельное оружие, – сказал он, кивая на вооружённых сотоварищей. – Конец двадцатого века, но, что удивительно, все боевые качества сохранились. В борьбе с безумцами вещь незаменимая.

Поход в новой компании продолжался недолго. У Гоблина даже плечи от тяжёлого мешка не затекли. Да что там не затекли! Он даже мешок не поправил ни разу: как положил на плечо, так и дошёл до нужного места. Вот оно.

– Добро пожаловать в «Приют Опоздавших»! – засмеялся разговорчивый мужчина, пропуская Ию и Гоблина в узкий пролом, изрядно поросший бело-бурыми сталактитами. – Проходите и будьте как дома. Вот наша пещера. А мы, стало быть, пещерники.

Они протиснулись в тесные врата, и, как по команде, зажмурились от яркого света. Светло было в пещере и многолюдно. Завидев вошедших, обитатели пещеры бросили свои дела и поспешили как следует рассмотреть осторожно переступивших порог гостей. Со всех сторон посыпались вопросы.

– Откуда?

– Как звать?

– Кем были до катастрофы?

– Долго ходили по подземелью?

– Давно были на поверхности?

– Почему опоздали?

Ия быстро освоилась в незнакомом месте, и, отвечая на вопросы, назвала себя, город в каком родилась, и лишь на вопросе о причинах опоздания, немного замялась, стушевалась и громко похвалила убранство пещеры. Похвала местным пришлась по душе, и они не стали приставать с вопросами, а предложили гостям помыться.

6

Пока Ия отвечала на вопросы любопытствующей публики, Гоблин с нескрываемым интересом рассматривал убранство пещеры. Пещера была просторна, светла и высока.

«Пять человек надо поставить друг на друга, чтобы самый верхний коснулся потолка руками, – подумал Гоблин, обозревая бледно-коричневый потолок с голубыми, кое-где, разводами. – Не меньше».

Прямо на потолке каким-то образом были закреплены лампы электрического освещения. Ламп было много, и все весело сияли. В пещере было тепло и сухо.

– У нас свой гидрогенератор, – по-доброму улыбаясь, вступил в разговор с Гоблином стоящий по правую руку человек. – Устройство древнее, но надёжное. Здесь было старинное убежище на случай войны. Мы случайно наткнулись на него. А дальше, как говорится, дело техники. Среди нас есть инженеры, изучавшие историю развития технических систем, вот они со всем и справились. В два счёта, как говорится. Полезная наука – история развития технических систем. А ты кем работал до катастрофы?

Гоблин стал усиленно думать, что бы ответить столь любезному собеседнику, но тут между ними втиснулась Ия и мигом просветила местного аборигена.

– Не в себе он, – ткнула она пальцем сперва в грудь Гоблина, а потом, покрутив тем же пальцем возле своего виска, подмигнула аборигену. – Ничего не помнит, не понимает, не разговаривает и не слышит. Идиот, одним словом.

– Бывает. У меня вот тоже один знакомый..., – понимающе вздохнул местный и хотел что-то рассказать Ие, но та его вниманием не удостоила.

Она ухватила Гоблина за рукав и потащила в дальний угол пещеры. В углу пути их разошлись. Ия подвела Гоблина к чуть покосившейся двери в рыжей стене и передала там, как говорится, из рук в руки одному из жителей пещеры. Житель ласково улыбнулся Гоблину и повёл мыться, давая в пути некоторые наставления.

– Самое главное не пей воду, – громко говорил улыбающийся проводник, подкрепляя слова различными запрещающими жестами. – Воду мы берём здесь же, в подземелье. Из подземной реки. Мы её, конечно, фильтруем, но до хорошей очистки далеко. Мыться можно, а пить ни в коем случае. А чтоб тебе пить не хотелось, на, съешь утолитель жажды.

И улыбчивый провожатый сунул почти насильно в рот Гоблина маленькую таблетку. И хотя такое обхождение не обрадовало Гоблина, таблетку он покорно проглотил.

«В чужую пещеру со своими принципами не ходят», – порхнула мимолётная мыслишка в светлой полосе сознания Гоблина. Порхнула и юркнула обратно в густое облачко неведомого.

А потом он долго и с превеликим наслаждением мылся. Сначала, правда, никак не мог понять, для чего проводник попытался засунуть его, голого, под бьющую из-под потолка струю воды, а потом, вдруг, просветление случилось. С ним часто случалось такое в последнее время.

Столь приятного и радостного ощущения Гоблин и не помнил. Может, и было что-то подобное в его странных снах, но из них ничего хорошего в памяти не осталось. Он мылся с невероятной радостью. Вода была тёплая-тёплая. Он натирался душистым мылом, смывал с себя обильную пену, опять натирался и опять смывал. Ещё одна приятность посетила, когда он надел чистую одежду, которая не пахла противной гадостью, а совсем наоборот. Дышать в такой одежде было легко и приятно.

«Неужели бывает так радостно в жизни?» – думал чистый и одетый в чистое мужчина, выходя из жаркой купальни в светлую пещеру. Он теперь понял по-настоящему, что такое «радостно».

Почти все люди в пещере ему улыбались. Гоблин огляделся, и, заметив Ию, разговаривающую с лысым пещерником, который помог им выкрутиться из страшной передрыги.

– А вот и ваш друг, – широко улыбнулся Ие лысяк, и, протягивая руку Гоблину, ласково заговорил с ним. – Меня зовут Нестор. Я....

– Он всё равно ничего не понимает, – перебила Нестора Ия, вновь покрутив возле виска пальцем.

Гоблин жеста этого, не единожды виденного в исполнении Ии, пока не понимал, да и, честно сказать, не до жестов ему было. Его другое взволновало. Как только Гоблин почувствовал в своей руке руку Нестора, в голове случилась странная катавасия. Какие-то необычные мысли вломились в сознание радостного мужчины.

– И где она нашла этого немого идиота? – волновали мысли Гоблина. – У него на лице написано серьёзное психическое заболевание. И чего она о нём заботится? А нам он ни к чему. Лишний нахлебник. Ничего, недолго ей осталось заботиться об этом кретине. Завтра же его на приманку пустим, а пока пусть радуется. Расходный материал. А она нам нужна. На неё каждый позарится. Э-хе-хе....

Гоблин ясно понимал, что это не его мысли. Вернее, они вдруг стали его, выскочив из противной туманной мути. Выпорхнули, словно стайка испуганных рыбок, из речной травы на светлую протоку. Промчали стремительно протоку и затаились где-то на границе ясности и мути. Да, эти мысли стали его, но он ни о чём таком не думал, и думать не хотел, и вряд ли думать будет. Что же это такое? И что теперь делать с ними?

«А может махнуть на них рукой? – основательно помяв ладонью чистую шею, решил Гоблин. – Мало ли чего привидеться может в этом странном мире? Мне сейчас лучше не задумываться, а слушать. Слушать Нестора. Это полезнее будет».

А Нестор между тем важно шествовал подле Ии и говорил, не умолкая ни на мгновение.

– Цель нашего общества одна – выжить. Все мы оказались здесь по некой случайности, опоздав к месту эвакуации. И поначалу здесь было всем плохо. Каждый был терзаем своим горем. Вы меня понимаете? Видели бы вы, что здесь творилось раньше. Раздоры, драки, склоки. И до убийства дело доходило. Не буду скрывать. Было и такое. Мы теряли человеческий облик. Люди, избалованные благами развитой цивилизации, потеряли способность выживать в одиночку. Начисто потеряли. Нам становилось всё хуже, хуже и хуже. И надо было что-то делать. Немедленно нужны были срочные меры, пока в нас, в нашей психике, не начались необратимые изменения. Вы понимаете меня? Только организация могла спасти нас. Организация и одна на всех цель. Здесь тоже непросто выжить. Нас сейчас в пещере девяносто три человека. Вернее, с вами девяносто пять. Запасов пищи у нас на тридцать четыре месяца. Хотя, нет. Подождите. На тридцать три месяца и восемнадцать дней. Притока нужного продукта нет, а отток увеличивается. Дисбаланс, одним словом. А дальше что? Нам надо будет жить дальше и настойчиво добиваться цели. И не только нам. Ведь к нам в «Приют опоздавших» постоянно приходят люди. Вы понимаете меня? Оказывается, опоздавших к месту эвакуации на планете осталось не так уж мало. Вчера подобрали одного, а сегодня вас двоих. И так всё время. Почти каждый день. И всем надо помочь. Всем до единого. Это наше предназначение. Вы понимаете меня? У нас есть учёный биолог, по имени Курт, он сейчас усиленно работает над решением продовольственной проблемы. Он нашёл здесь под землёй колонии грибов. Понимаете? Грибы могут размножаться даже в таких условиях. Пока грибы ядовиты, но Курт настроен решительно. За его грибами наше будущее.

Говорливый Нестор подвёл новых друзей к каменному столу. Именно каменному. К столу, сооружённому из огромных гранитных плит. Люди, стоящие у столов, расступились, приглашая новичков принять участие в совместной трапезе. Кушанье, извлекаемое ложками из промасленных жестяных банок, было очень жирным. До рези в животе жирным. Поначалу

боль была еле заметна, а потом так крутанула внутренности, что хоть вой! По всей видимости, пещерники эту особенность пищи знали хорошо: как только гости съели по банке предложенной снеди, им сразу выдали по таблетке. Проглотив таблетку, Гоблин немного перетерпел боль, почувствовал облегчение и снова стал улыбаться. Улыбка появилась и на лице Ии: пища и её желудку принесла некоторые неудобства.

После трапезы гостей вновь развлекал беседой Нестор. Гоблину показалось, что этому человеку в жизни была дана одна радость: чтоб его не перебивали. Он говорил, говорил и говорил. Улыбался и говорил. Он рассказывал о своей жизни, о научных концепциях борьбы с фундаментальным агрессором, о многочисленных ошибках землян в экономических вопросах, о своём точном предвидении настоящего поворота событий, о тупости некоторых правителей прошлого, и о той счастливой жизни, которая ждала земных переселенцев на других планетах. Всё Нестор знал, и на всё у него было своё суждение. Гоблина он заговорил до того, что тот не заметил, как уснул. Сел возле пещерной стены и уснул. Уснул счастливый и без сновидений.

7

Разбудил Гоблина пожилой пещерник с обезображенной шрамом щекой. Пещерник приложил палец к губам, давая понять, что никому здесь лишний шум не нужен, и взмахом руки призвал Гоблина следовать за собой. Сейчас в пещере было немного сумрачно. Яркие лампы на потолке потушены, а освещали пещеру спрятанные в стенные ниши невидимые глаза и постоянно мерцающие источники света. Старик с уродливой щекой подвёл Гоблина к одной из многочисленных дверей, расположенных вдоль дальней стены пещеры и услужливо открыл её. За дверью Гоблина ждал Нестор. Он улыбнулся ему, как старому знакомому, дружески похлопал по плечу и кивком головы велел следовать за собой. Пройдя метров двадцать по тесному, но сухому тоннелю, они очутились в другой пещере. Даже и не в пещере, а так, в пещерке. В пещерке их ждали люди. Человек десять. Все они улыбались. Вернее, все, кроме одного. Тот боязливо съёжился, старался забиться в угол, и суетливо озирался по сторонам испуганными глазами. Да, ещё следует сказать, что Гоблин тоже не улыбался. Значит, неулыбающихся в пещере было двое. Их сразу свели вместе.

– Итак, друзья, – после некоторого замешательства привычно приступил к очередной речи Нестор, – теперь вы влились в наши ряды. С чем я вас искренне поздравляю. И осталась одна формальность, которая позволит вам окончательно стать полноценными членами нашего общества. Дело в том, что у нас каждый мужчина должен пройти обряд посвящения. Такова традиция. А без традиций, сами понимаете, ни одно общество существовать не может. Это закон жизни. Вы понимаете меня? Закон, и ничего поделать нельзя. Ведь всякое нарушение закона всегда приводит к неприятным последствиям. А нам с вами долго жить бок о бок, и потому никаких неприятностей нам не надо. Правильно я говорю? Сейчас вы наденете ритуальные одежды нашего общества, пойдёте в круг посвящения, а вечером у нас с вами будет праздник. Праздник обретения новых полноценных членов общества.

Нестор ласково подмигнул ещё не посвящённым членам общества и сделал рукой знак посвящённым. Гоблин и глазом моргнуть не успел, как его нарядили в странный балахон с круглыми выпуклостями на груди. Пока он с любопытством оглядывал и ощупывал новую одежду, его товарищ по предстоящему посвящению визгливо кричал:

– Зачем вы одели нас в женскую одежду?!

Его вопрос остался без ответа. Вместо ответа в стене пещеры открылась ещё одна дверь, и все, низко наклоняясь (дверной проём был низеньким), шагнули в грязный тоннель. Подлежащих посвящению к выходу подтолкнули немного насильно, но у самого порога Нестор стал прощаться с ними, крепко пожимая руки.

– Я желаю вам всего хорошего, – напутствовал их пещерный вождь, а сам пойду распоряджусь, чтобы всё было готово к вечернему празднику обретения вновь посвящённых. Вы понимаете меня? И помните, вас сегодня ждёт сюрприз.

Гоблин старался внимательно слушать вождя, но получалось у него не очень. В голове опять мельтешили на редкость странные мысли.

– Ну, прощайте, кретины, – крутилась в голове какая-то ерунда. – Я рад, что никогда больше не увижу вас. Нам надо жить, а вам умирать. Ресурсов для жизни всем не хватит. Жить должны умные, а не дураки. Люди служат навозом на поле свершений умного человека. Таков закон жизни. Так что, извините, но вам не суждено стать свидетелями новой жизни. Ха-ха-ха.

Пока Гоблин разбирался с катавасиями своего сознания, процесс прощания был завершён, и поход к посвящению начался. В походной колонне было двенадцать человек. Из них десять были вооружены, и с фонарями, а два непосвящённых, – без фонарей и безоружны.

«Это тоже, наверное, часть посвящения», – думал Гоблин, ступая по чавкающей тропе тоннеля.

Его товарищ по предстоящему действию молчал и лишь часто озирался по сторонам. Чего он хотел увидеть? Непонятно. Сырые мрачные стены, колеблющиеся в тусклом мерцании фонарей тени и падающие сверху странные сгустки скользкого вещества. Обыкновенный тоннель. Ничего особенного. Гоблин во время путешествия с Ией много таких насмотрелся. И тут он вспомнил её. Как она там? Может, у неё тоже будет свой ритуал посвящения. Для женщин. Должен быть такой ритуал.

«Без него нельзя, – думал бредущий по подземной жиже мужчина. – Это закон. А хотя, нет! Может, женщина и отличается от мужчины тем, что только мужчины должны исполнять ритуалы, а женщины должны жить, как им хочется. Может, так? Им наверняка больше дозволено, чем мужчинам. Это заметно было вчера. Если сравнить отношение людей к Ие и отношение ко мне, это будет небо и земля. Верно, женщина отличается от мужчины, как небо от земли!

Очередное открытие заставило Гоблина улыбнуться и радостно вздохнуть.

– Ты чего радуешься? – спросил счастливого открывателя доселе молча бредущий рядом товарищ по непонятному пока действию. – Глупо всё это. Я чувствую, здесь что-то не то. Чувствую. Зачем они заставили нас надеть эту старинную женскую одежду? Зачем?

Гоблин пожал плечами, не зная, что сказать в ответ, промолчал. Промолчал не от того, что не мог говорить, просто сказать в ответ нечего было. А тот, не получив поддержки для продолжения разговора, тоже замолчал и шли они дальше молча.

– Вот круг посвящения, – строго молвил кандидатам в посвящённые бородатый предводитель отряда, когда походная колонна достигла цели. – Вам сюда.

– Зачем сюда?! – опять заволновался товарищ Гоблина. – Вы что-то задумали! Не пойду!

Командир терпеливо выслушал взволнованную речь пока ещё не посвящённого члена их сообщества, и, грубо ткнув прикладом оружия в спину, направил на нужный путь. Был тот путь между двух чёрных камней. Гоблин на истинный путь встал самостоятельно. По доброй воле.

И вот оказались они в просторной пещере. Самое удивительное в пещере было то, что она каким-то неведомым образом была освещена. Не ярко освещена, не так, как пещера «Приюта опоздавших», но можно находиться без фонаря. Находиться и ясно видеть всё, что вокруг. Свет струился откуда-то сверху.

На стенах пещеры угадывались какие-то рукотворные узоры. Не зная, что делать для соблюдения в точности обряда, Гоблин с сотоварищем стали рассматривать узоры. Узоры были облезлые, пыльные, обвешанные чёрной паутиной, и очень трудно было разгадать, что хотел когда-то сказать людям неведомый рукотворец.

Товарищ Гоблина, который успокоился после того, как получил прикладом по спине, подобрал валявшуюся возле груды серых камней ветку и попытался ею стряхнуть пыль со стены. У него получилось, пыль стряслась, и узор на стене стал немного понятнее. Гоблин тоже смог рассмотреть силуэт человека в окружении стаи животных.

– Странное животное человек, – задумчиво проговорил сотрясатель стенной пыли, – ни одной твари живой на планете не осталось, а ему хоть бы хны. Раньше говорили, что самые живучие крысы да тараканы, а оказалось не так. Далеко им до человека. Ой, как далеко. Я до катастрофы занимался мутационной биологией и выяснил интересную вещь. Оказывается...

И тут Гоблин почувствовал опасность. Ничего вокруг вроде не изменилось. Всё, как было, так и оставалось, но странное возбуждение почувствовал насторожившийся человек. Хотя, нет, он сначала почувствовал возбуждение, а потом насторожился. Без видимой при-

чины тревога взбудоражила его душу. Что-то в пещере стало не так. Что-то произошло. Но что?

Гоблин стал озираться по сторонам. Ничего особенного. Стены как стены. Свет как свет. Серый, рассеянный, но свет. Так что же не так? А может....

Домыслить предположение не получилось. Прямо из стены на них выскочили чёрные лохматые существа.

8

Явление чёрных тварей было столь стремительным, что Гоблин испугаться не успел. Насторожиться – успел, а испугаться – нет. И достойного отпора не успел дать. Бежавший первым лохмач умелым ударом в челюсть сбил Гоблина с ног. Сбил, оседлал и стал рвать одежду. Один из сотоварищей разбойника почему-то попробовал вступить за Гоблина, но крепкий удар мигом свалил нерасторопного освободителя с ног. Та же участь постигла и ещё одного лохматого. По всему было видно, что эти твари, ловко передвигающиеся на двух ногах, дружили между собой не очень. И заминка, связанная с внутренними разборками нападавших, позволила Гоблину вырваться из-под злой бестии. Гоблин тоже имел силу недюжинную в руках, да и во всем прочем теле тоже. Правда, сам он об этом не знал, и не догадывался, но противнику такую истину дал почувствовать очень хорошо. От души дал почувствовать. И откуда взялась эта сила в руках?! Что очень знакомое. Вроде пять минут назад, когда от удара в челюсть падал, не было ничего, а тут вон как разошёлся! Кубарем отлетали от него соперники. Гоблин не только себе свободу добыл в бою, а ещё и растерявшегося биолога под защиту взял. Однако на всякую силу всегда ещё большая сила найдётся. Один не справится, так трое смогут. Когда Гоблин разошёлся во всю статью, у его противников все распри внутренние забылись и разом заодно все они стали. Отступили малость, переглянулись между собой, прошипели что-то друг другу и по команде сутулого вожака с длинными руками в атаку ринулись.

И вот опять Гоблин на жёстком каменном полу. И товарищ его рядом встревоженным червём корчится. И одежду на них снова рвут. И чего они к одежде пристали?

Гоблин вырываясь, крепко ухватил соперника за правую ладонь, и странные мысли закружили в гудящей от натуги голове.

«Она будет моя! Моё семя воспримет! Не упущу свой шанс! Не упущу! Я тоже хочу жить вечно! Она будет моя!»

Пока Гоблин разбирался со странными мыслями, опять неожиданность в пещере случилась. Опять шум, грохот, дым да огонь. Лохматые твари упали, изрешечённые пулями. По какой-то невероятной случайности на теле Гоблина не оказалось ни царапины. Тело его товарища по страшному посвящению тоже осталось в целости и сохранности. Достойное удивления чудо произошло с мужчинами, одетыми в изрядно потрёпанную женскую одежду. Жаль только, что некому было удивиться подобному чуду. Воины из «Приюта Опоздавших», (а это именно они ловко перестреляли наглых агрессоров в лохматых одеждах), на выживших в перестрелке людей ни малейшего внимания не обратили. У них была другая цель. Цель намного важнее разных удивлений. Они торопливо обыскивали тела поверженных врагов. Торопились воины не зря. Понимали они, что времени на обыск у них мало. Понимали, что мало, но не догадывались, что настолько. Не успели победившие воины над телами вражескими вволюшку мародёрство учинить. Вновь стрельба началась. И вновь в злополучной пещере кровавая мясорубка. А Гоблину с его товарищем опять повезло! Будто заговорённые были они на этот день. Хотя нельзя сказать, чтоб очень уж повезло. Живы остались – да, а вот в остальном....

Снова их на пол повалили. Вновь одежду рвут да шершавыми руками по телу голому шарят. Да и ладно бы просто шарили, так нет же, всё между ног стремятся забраться. Какая-то цель там сокрыта? Желанная цель! Но, как часто бывает, там, где цель особенно желанна, разочарование непомерное прячется.

– Да это же мужик! – взревел вдруг мучитель Гоблина, прорвавшись через все препоны к желанной цели.

– И у меня тоже! – вторил ему истязатель биолога. – Проклятые лицемеры!!!

Их раздели догола, злыми пинками загнали в угол пещеры и хищно лязгнули затворы оружия. Меньше мгновения оставалось жить разоблачённым мужчинам. Но им опять повезло. День (а, может быть, ночь) сплошного везения. Стрельбы на этот раз не было, а явилось вместо неё счастье из уст сурового вожака, прохрипевшего сердито:

– В лагерь их! Пусть Учитель решает, как дальше с ними быть. Уходим.

В лагере их сразу бросили в яму. Без разговоров бросили. Молча. В яме было холодно. До стука зубов холодно. Громко застучали зубы пленников, так громко, что сердитые охранники в лохматых одеждах бросили в яму два одеяла. А может, и не из-за стука зубов полетели одеяла в яму? Может, принято здесь так, что узникам охранники одеяла в яму бросают? Всё может быть. С одеялами стало полегче, и невольники решили познакомиться поближе. Точнее, товарищ Гоблина по несчастью так решил. Уж вроде давно они вместе, а познакомиться по-человечески никак не получалось. В яме же для знакомства все условия сложились как нельзя лучше. Куда уж лучше, когда в тесной яме сидишь с незнакомцем бок о бок, и делать больше нечего, как только сидеть. Одна из стен ямы светилась. Вернее, не вся стена светилась, а некий квадрат размерами метр на метр. Правда, светился еле-еле, но разглядеть друг друга узники могли. Биолог долго смотрел на Гоблина молча, и решил, что другого такого хорошего момента (в смысле – для знакомства) не будет.

– Меня Михей зовут, биолог я, – сказал он, протягивая руку товарищу по яме. – А ты?

– Гоблин, – ответил Гоблин.

Ответил он так потому, что многие люди, называемые себя мужчинами, любили поговорить громко. Этакое явление он в последнее время довольно-таки часто замечал. А раз они так говорят, то чем он, Гоблин, хуже их? Кстати, об этом Гоблин думал сущее мгновение, потом эту думу отёрли в мути сознания без спроса явившиеся посторонние мысли.

«Ишь ты, разговаривать он умеет, – удивлялись они. – А чего в приюте его немым дебилом считали? Странно. И имя у него какое-то дурацкое. Презренное имя. Неужели он не понимает? А, с другой стороны, хитёр он непомерно. Что-то здесь не то».

Завершив ритуал знакомства через рукопожатие (странный обычай) Гоблин стал слушать Михея. Тому ужасно хотелось выговориться. Хоть перед кем хотелось. Хоть перед камнем, но выговориться! Бывает так у людей. Накопится в сердце множество различной мути, и если не выплеснешь её через уста, то и жить невозможно. От всей души выговориться хочется. Хоть на стенку бросайся! Вот так в яме и с Михеем случилось.

– Как же нас с тобой Нестор провёл, – крепко ударил кулаком каменную стену рассерженный биолог. – Я к нему за помощью пришёл, а он наобещал мне с три короба и под пули отправил. Вот гадина. Пройдёшь обряд посвящения, говорит, и дам я тебе еды хоть на месяц. И воды обещал. А я ведь исследования наверху вёл. Представляешь, наугли уничтожили всю растительность, всю органику, животные, насекомые, целыми видами за сутки дохли, и люди все должны были умереть, но....

Михей вдруг замолчал. В яме стало тихо-тихо. И только сверху слышался приглушённый шум. Сверху была жизнь. Гоблину было очень интересно, почему люди не умерли, но переспросить биолога он постеснялся. Не захотелось ему показаться глупцом. Не захотелось выдать своего недопонимания. Наверняка Михей приоткрыл ему тайну. А иначе почему он вдруг замолчал? Отчего прервал свою мысль? Что-то здесь не то.

«Всё умерло, а человек живёт, – размышлял Гоблин, кутаясь в чуть отсыревшее уже одеяло. – Почему? Что же я не смог расслышать в словах Михея? Что же? А может, всё-таки переспросить его?»

Гоблин собрался с духом, несколько раз мысленно повторил про себя вопрос, и уж набрал в грудь воздуха, чтобы произнести вслух, но понял, что биолог крепко спит. Пришлось опять искать отгадку без посторонней помощи.

9

Гоблин смотрел на лёгкие всполохи неведомых отсветов и пытался думать. Именно пытался, потому что думать не получалось. Он боялся признаться даже себе, что он не знал, как надо думать. Как направлять мысли в нужном направлении. Как подчинить их своей воле. Мысли никак не хотели слушаться. Они судорожно металась то туда, то сюда, словно строптивое, неподдающиеся укрощению, дикое животное. Как с таким совладать? И подсказать некому. Михей спит, а от скользкой каменной стенки доброго слова не дождёшься. Некому помочь в этом каменном мешке. И тут сверху послышался человеческий голос.

– Оболин, Оболин, – шипел человек, как-то странно подмигивая Гоблину. – Вылезай, поговорим.

В узилище упала верёвочная лестница. Гоблин полез. Наверху незнакомец сразу ухватил узника за рукав и увлёк узкую нишу стены. И там продолжился, а, вернее, начался разговор. А начался он с крепкого рукопожатия и лёгкой мысленной круговерти в голове Гоблина.

«Ишь, как маскируется, – торопливо шелестели возбуждённые неведомым образом мысли. – Будто и не узнал меня вовсе. Он всегда смотрел на нас свысока. Лучший из лучших. Ну, погоди, скоро и на моей улице будет праздник. Будет! Будь уверен! Будешь умолять меня на коленях. Вот тогда я отыграюсь. За всё отыграюсь».

– Оболин, неужели ты не узнал меня? – вспугнул мельтешащие мысли хриплый шёпот незнакомца. – Дронов я. Дронов. Помнишь, на спецкурсе академии обеспечения безопасности человечества? Я учился годом младше тебя. Помнишь? Мы с тобой вместе занимались древними единоборствами. Тренер Светозар, с голым, как коленка черепом. Помнишь чемпионат академии? Я тогда проиграл тебе в полуфинале. Помнишь? А потом меня отчислили. Со второго курса. Посчитали недостаточно способным. Ты чего молчишь? Хотя, о чём я? Ты же на задании. Как там у нас в присяге было? «Если для выполнения задания надо забыть самого себя – забуду без тени сомнения». Так ведь? Только ты не бойся, я тебя никогда и никому не выдам. Я всё понимаю. Пусть отчислили меня из академии, пусть, но я успел пропитаться духом товарищества и взаимовыручки. Ну, чего ты молчишь? Спроси меня чего-нибудь. Не молчи только.

– А ты как здесь? – сам не ведая для чего, спросил вдруг Гоблин говорливого собеседника.

– Я? – радостно встрепенулся тот, наконец-то услышав желанный голос. – А я после академии попал служить в пограничную службу. Хорошая служба. Конечно, до вашей далеко, но не каждому суждено разговаривать с богами. Шутка! Мы обеспечивали эвакуацию землян. Орбитальная пограничная станция. Работы было невпроворот, но ничего не поделаешь. Служба. А потом искали опоздавших. Был сигнал, что в этом районе остались люди. И вот попали в засаду. Эти твари подстерегли нас, и... Полегли все. Только меня спасли люди Учителя Спарка.

– Кого?

– Ты не знаешь Учителя Спарка?

– Нет.

– Тебе не повезло в жизни, Оболин. Я не шучу. Ты знаешь, что такое вечная жизнь?

Гоблин пожал плечами. Признаться, честно и открыто, что он не знает не только «что такое вечная жизнь?», но и что такое жизнь вообще, язык не поворачивался. Помогли в затруднительном положении плечи. Собеседник понял Гоблина как надо, воодушевился и продолжил рассказ.

– Мы все люди седьмого поколения, – ухватив Гоблина за рукав, торопливо зашептал Дронов. – Через каждые семь поколений мы возвращаемся и живём вновь. Это открытие

Учителя Спарка. Ты меня понимаешь? Человек явление двойственное. Мы возрождаемся сами и одновременно являемся переносчиками чужого возрождения. Понимаешь? Я тоже сперва думал, что это бред, но учитель доказал мне жизненность его идей на деле. На деле! У него есть методика глубинных воспоминаний. Я не смогу тебе объяснить, как она действует. Но она действует. Ты бы только знал, как она действует! Я, лично, встретился сам с собой, там, в моей предыдущей жизни. С собой, который жил двести с лишним лет назад. И я понял, что я – именно тот, из прошлого. У меня даже его воспоминания остались. Воспоминания, ощущения, чувства. Всё! Понимаешь? Хотя где тебе меня понять. И я теперь хочу жить вечно. Но есть проблема. У нас здесь проживает около ста пятидесяти человек, а вот женщин детородного возраста из них лишь восемнадцать. Вечная жизнь передаётся только по мужской линии. Помнишь древнюю пословицу о том, что настоящий мужчина должен построить дом, вырастить дерево и воспитать сына. Зачатки учения Учителя Спарка появились ещё в древности. На уровне догадок, но Учитель всё расставил по местам. Спарк – настоящий учитель! Если из моего семени родится сын, то у меня есть шанс жить вечно. А если нет.... У нас здесь культ женщин. Женщин, способных принять семя. Они ни в чём не знают отказа. Посмотри.

Дронов поманил Гоблина за собой в другую нишу, и, приложив палец к губам, предложил осторожно посмотреть вниз. Внизу располагались десятка два куполов, изготовленных, по всей видимости, и прочного прозрачного пластика. Внутри каждого купола на возвышении сидела женщина. А у ног её на коленях стояло несколько мужчин. И даже издалека было видно, что мужчины, почти дрожа от нетерпения, готовы выполнить любое женское желание.

– Мы бережём женщин, мы ищем их, мы боготворим их, – тихонько вздохнул Дронов, когда они снова укрылись в нише. – От них зависит наша будущая жизнь.

– Я на своей шкуре испытал, как вы их боготворите, – неожиданно для себя, зло усмехнулся Гоблин.

– Ну, в любом деле бывают издержки, – развёл руками Дронов. – Каждому хочется первым посеять своё семя. Каждый хочет жить вечно. Здесь женщине немного приходится потерпеть. Знаешь, какие драки были здесь ради вечной жизни? До смертоубийства были драки. Сейчас Учитель навёл порядок. Правда, некоторые недовольны новшествами, но приходится терпеть. Сейчас всё по графику, но если мы вдруг находим женщин не из нашего круга, тогда право на первенство надо отстоять силой. Это жизнь! Кто бы знал, как я хочу первым найти женщину в каком-нибудь тоннеле. Я бы за это всё отдал!

Дронов ещё раз вздохнул, а потом, ухватив Гоблина за рукав и глядя прямо ему в глаза, спросил:

– Слушай, а ты для чего в женскую одежду нарядился? Ты знаешь, что из-за тебя шестеро наших полегло?

– Меня нарядили в эту одежду, не сам я, – вырвав рукав, буркнул Гоблин, а потом неторопливо рассказал Дронову всё, что случилось с ними в пещере «Приюта Опоздавших».

– Лицемеры! – вскричал бывший пограничник, терпеливо выслушав рассказ пленника. – В их стиле всё! Нестор – подлец! У него своя идея. Создать систему посылки межгалактического радиосигнала и дать сигнал бедствия. Он думает, за ним вернутся. Он мнит из себя великого человека, которого непременно будет спасать всё человечество. Его мечта – радиосигнал. Пустая затея. Не выйдет у него ничего. Через полгода они все подохнут с голода. Запасов пищи им только на шесть месяцев хватит.

– А он говорил, на тридцать четыре, – вспоминая разговоры с лысым пещерником, перебил Михея Гоблин. – а потом они собираются питаться грибами.

– Врёт. Он всегда врёт! И про грибы врёт. Для грибов нужна чистая питьевая вода. А у них нет установки для получения чистой воды. У нас есть, а у них нет. Вот они постоянно

охотятся за нами, чтобы взять у нас воду и продукты. Каждый человек нашего племени носит всегда двухдневный запас еды. Из-за еды они убивают нас. Хитрости разные придумывают, подличают всячески, но мы тоже редко в долгу остаёмся. За жизнь надо бороться. Он тебе, наверное, говорил, что мы из дома умалишённых?

– Да, говорил.

– Вот, видишь! Типичная провокация. Учитель Спарк занимался некоторое время проблемой психических заболеваний, а они вон как перевернули. Лицемеры. Одно слово – лицемеры. А она ростом какова?

– Кто? – не сразу разобрался с неожиданным вопросом Гоблин.

– Та самая Ия, которая привела тебя к Нестору.

Гоблин подумал и, повернув кисть руки ладонью вниз, приподнял её к своему носу.

– Красивая? – торопливо облизнул губы бывший пограничник.

– Да, – Гоблин уверенно кивнул головой, хотя и не совсем понял, о чём его спросили.

– Хорошо, – отчего-то протяжно вздохнул Дронов. – Ты прости меня, Оболин, но мне надо уходить. Так, значит, говоришь, что весьма хороша собой? Хорошо. Сейчас придёт моя смена. А завтра я приду снова. И ты мне тогда расскажешь всё про неё. Значит, её зовут Ия. Хорошо. Пойдём в яму.

10

Спустившись яму, Гоблин быстро уснул. Он даже не попытался подумать. Что-то случилось в его организме, если, не успев прилечь на жёсткий каменный пол, он провалился в западню непонятных снов. Сегодня ему снился Дронов. Тот стоял посреди большого жёлтого круга и пытался кричать, но вместо крика из широко разинутого рта вылетали чёрные вороны. Вели себя вороны крайне странно. Вместо того, чтобы громко каркать, они, еле шевеля клювами, чуть слышно шипели. Гоблину очень хотелось узнать, о чём вороны так таинственно шипят. Он попробовал ухватить ближнюю шипящую птицу за хвост, но промахнулся. Ворона на него обиделась, и, сотворив удивительный кульбит в воздухе, спикировала прямо на грудь любознательного человека. Удар вороньего клюва был настолько чувствителен, что Гоблин проснулся, почему-то чётко осознав, что он больше не Гоблин, а Оболин, и увидел над собой бледное лицо товарища по яме.

– Просыпайся, – шептал тот, – нам надо поговорить.

– Зачем? – нахмурился Оболин, пытаясь вспомнить, о чём шипели во сне мельтешащие над головой вороны.

– Ты должен уговорить своего знакомого помочь нам бежать, – склонившись к самому уху, еле слышно прошептал Михай. – Должен. Мне надо наверх.

– Какого знакомого? – спросонья не разобравшись, переспросил Оболин.

– Брось прикидываться, – начинал сердиться биолог. – Я слышал, как ты уходил из ямы. И, оказывается, ты никакой не Гоблин, а Оболин. Это что, тайна великая? А?

– Не знаю, – честно пожал плечами Оболин. – Он так сказал. Ему виднее.

– Это не моё дело, – махнул рукой Михай. – Как хотите, так и называйте друг друга. Плевать! Мне надо выбраться отсюда. Выбраться. Ты понимаешь? Я должен довести до конца свои исследования. Там наверху я нашёл нечто странное. Там есть какая-то тайна. Я должен разобраться. Нуагали уничтожили наверху всё: растительность, животных, воду. Всё! Понимаешь? Человек должен был погибнуть одним из первых! А он живёт! И помогает ему серая пыль. Только это не пыль вовсе. И не зола. Это неведомые науке микроорганизмы. Неведомые. Понимаешь? Мельчайшие создания. Я их назвал серыми лишайниками. Хотя это не совсем так. Это не лишайники, это истинное чудо. Эти микроорганизмы поддерживают на нашей почти полностью разрушенной планете газообмен, необходимый для жизни человека. Без солнечной энергии. Кислород, азот, углекислый газ и всё прочее. Точность соотношения ингредиентов удивительная. Понимаешь? Точно выверенная для человека. Только для человека. И ни для кого более. Ещё они дают тепло. Это удивительно, но это именно так. Но самое интересное, что если эти микроорганизмы поливать водой, они начинают пускать корни, обращаясь в растения. Это невероятно, но и это так. У меня было мало воды, но несколько растений я получил. И это так, так, так! Понимаешь? Эти лишайники можно превратить в растения. А дальше.... Ты мне должен помочь. Уговори его!

– Как?

– Как хочешь. Но ты должен. Пообещай ему что-нибудь. Человек в любой ситуации падок на обещания. В любой. Узнай, чего он хочет, и пообещай. Ты должен. Узнай.

– Я знаю, – поддался на уговоры Оболин. – Я знаю, чего он хочет.

– Чего?!

– Женщину.

– Ну, так пообещай! Скажи, что если он нас из этой ямы вытащит, тогда она у него будет. Самая лучшая. Обязательно будет.

– А где мы её возьмём?

– Где взять – не самое главное. Возрождение жизни на планете – важнее. Ты понимаешь меня? Я могу вернуть жизнь нашей планете. Я, и никто более. И неужели эта жизнь не стоит твоего обещания? Слушай, я придумал. Мы отдадим ему ту женщину, с которой ты пришёл в Приют Опоздавших.

– Ию?

– Её, – крепко вцепился Михей в плечо Оболина. – Мы отдадим ему её. Он согласится. Обязательно отдадим, но он нам должен дать в придачу к свободе десять литров чистой настоящей питьевой воды. Именно настоящей. Такая вода здесь есть! Я знаю. Я чувствую. Он согласится.

Идея обменять Ию на свободу и десять литров питьевой воды крепко пустила корни в душе Михея. Теперь он больше ничего не говорил, и, скорее всего, ни о чём другом не думал. Биолог то сидел, словно каменное изваяние, то вдруг вскакивал, и, ухватив Оболина за грудки, начинал часто трясти, приговаривая одно и то же.

– Ты, давай, зови его, зови! Скажи, что женщину хорошую ему дадим. И пусть он с нею чего хочет делает, а нас наверх отпускает. Зови. Скажи, что хороша баба, себе бы взяли, но нам наверх надо. Нам не до женщин. Нам планету надо спасти. Ты понял меня? Сейчас же скажи ему, что он получит женщину в обмен на десять литров питьевой воды и нашу свободу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.